

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

люди искусства

Монолог об актере

Пятьдесят лет отдал Алексей Николаевич Грибов сцене — и исключительно Художественному театру, если не считать первоначальных двух-трех лет обучения в 3-й студии МХАТа. Я вспоминаю наши первые юношеские встречи — в тогдашней студии — в старом арбатском особнячке с его маленькими уютными, кожанатыми, с той всем старым вахтанговцам памятной «красной гостиной». Готовя вместе с ним водевиль «Любовный напи-

его доклад: «Один я уцелел» — неожиданно поразил выстрел Вершинина: «Уцелел ли?».

Грибов экономен в выборе сценических приемов. Всегда остается ощущение, что он несет еще неведомые, не до конца раскрытые глубины. Он десятки раз проверяет не только себя, но и намерения режиссера, пока найдет пути к воплощению своего замысла. Ему необходимо соотнести автора, режиссера, роль и себя как личность — и

П. МАРКОВ,

доктор искусствоведения, профессор

ток», ни я — совсем еще неопытный педагог, — ни он сам, делавший свои первые ученические шаги, не могли, конечно, предвидеть, какое место по праву займет в искусстве Алексей Грибов. Но уже тогда была ясна редкая талантливость этого молодого, молчаливого, простоватого на вид парня. В Грибове были пылкость, постоянный самоконтроль и настойчивая требовательность к себе, которые редко приходится наблюдать у учеников первых курсов. Как будто совершался внутри Грибова постоянный, сложный, очень важный внутренний процесс — происходило формирование художника со своим видением мира, своим пониманием искусства.

С приходом Грибова в Художественный театр этот неслышный и как будто медленный процесс еще более углубился. Иные актеры, прославившись блестящим исполнением одной, преимущественно дебютной роли и возбудив всеобщее восхищение, как бы исчерпывают себя в этом своем взлете и не выдерживают испытания временем. Не таков Грибов. Он шел вдумчивым мудрым шагом. Он завоевывал вершины искусства, и каждый его шаг приумножал меру его знания. Каждая даже небольшая роль вела к постижению самого смысла актерского дела — дела Станиславского, Немировича-Данченко, Леонидова, Москвина...

Нельзя не ценить в Грибове самостоятельности его актерского мышления. Если проследить его актерский путь от как будто незначительных эпизодов до ролей масштаба мирового, неизменно поражаешься предельной насыщенности каждого образа. Для него не существует эпизодической роли — для него важен эпизод богатой человеческой жизни. Так случилось в «Бронепоезде 14-69» — в коротком выходе Мужика, взволновавшем своей трагической простотой: такое сложное переплетение недоумения, радости, испуга жило в этом наивном мужичонке, которого в ответ на

только тогда он раскрывается в своей неслыханной простоте, в широком постижении образа. Тогда-то и овладевает он неожиданными по естественности и органичности красками, идущими из самого существа образа. Простота, доходящая до виртуозности, насыщенная до предела, и представляет разгадку его сценической власти. Но эта простота отнюдь не простоватость или упрощение образа. По своей природе она равно внятна и академику, и мальчику-спичечнику, как любил говорить Станиславский.

Роли молодых людей, обнажающие личность актера, Грибов не любил, предпочитая всегда прямому самовыражению самовыражение через образ. Ему потребна ненавязчивая характерность. Но это вовсе не означает, что Грибов обязательно добивается непохожести, неузнаваемости. Он отнюдь не озабочен тем, чтобы зритель не узнавал его на сцене, иначе он, вероятно, охотно играл бы роли западноевропейского репертуара, которые давали бы ему прекрасную возможность изобрести ту или иную характерность. Но они ему органически чужды, можно сказать, противопоказаны.

Тема России питает его талант. Он познал Россию и Горького, и Чехова, и Достоевского, и Толстого. Не случайно он так любит русскую литературу, связан с ней так же, как всем сердцем связан с русской природой. Актер умеет заставить смеяться над Собакевичем, и обнаруживает правоту, которую несёт с собой мужики Льва Толстого, ибо во всех случаях, ужасаясь, смеясь или радуясь, он знает изображаемого человека во всех его самых потаенных побуждениях.

Несмотря на то, что Грибов на сцене часто кажется сумрачным и замкнутым, он глубоко поэтический актер. Глоба в «Русских людях» и Непряхин в «Золотой карете» — одни из самых любимых Грибовым образов. Когда Глоба уходил на выполнение почти невыполнимого задания, великая боль охватывала зрителя. Когда Непряхин рассказывал о судьбе разрушенного города, зритель разделял с этим чудаковатым стариком его надежды.

Роли, оставшиеся от Москвина, Тарханова, получал Грибов, но он никогда не был сухим подражателем, никогда не позволял себе равнодушное повторение своих великих предшественников, как бы он ни ценил их.

Какая дикая скука окутывает его Хлынова, не находящего себе места от безделья, не понимающего, куда девать свои силы, и все его безобразное озорство — это попытка заполнить свою дику жизнь такой же дикой несуразностью.

У Грибова актерский пронзительный ум. Он обладает властью проникнуть не только в то, как и чем живут его герои, но и как они мыслят. Самое парадоксальное становится понятным в его исполнении. И подобно тому, как я понимаю логику Хлынова и нелепеее его озорство, я понимаю тоску, падение и безвыходное отчаяние Чебушкина, никогда до Грибова не сыгранного с такой философской глубиной.

Владимир Иванович Немирович-Данченко всегда говорил, что подлинная актерская убедительность заключена далеко не в одной внешней выразительности, а в умении найти способ мышления образа. Грибов проявил это умение, играя Фрола в «Земле», Мужика в «Воскресении», и, может быть, впервые вместе с Грибовым на сцене появился крестьянин, далеко не всегда удававшийся ранее в Художественном театре. Грибов был не только предельно, без малейшей театральной фальши убедителен внешне, но и раскрыл психологию, мышление, противоречивую, но мудрую логику образа.

Многих удивило, что при распределении ролей в «Кремлевских курантах» воплощение образа Ленина было поручено именно Грибову. Но для близко знавших актера в этом неожиданном и важном выборе не было ничего удивительного. Грибов неслышно, неторопливо, как все, что он делает на сцене и в жизни, шел к этому важнейшему в его актерской биографии шагу. Он стал в один ряд с выдающимися воплотителями образа Ленина. В своих предшествующих ролях он как бы вобрал в себя великий опыт народной жизни. Дело было не только в том, что он передал внешность Ленина. Он не злоупотребляет теми легкими приемами, которые стали доступными некоторым исполнителям, самоуверенно полагавшим, что таким путем возможно овладеть сложнейшим образом. Грибов, как подлинный художник и мастер, и здесь экономен и точен. Он тщательно закрепляет манеру поведения Ленина, его жест, его голос, ряд его привычных движений, но он точно и ненавязчиво подчиняет все эти внешние черты внутренним задачам, так что зритель считает их вполне естественными и органически присущими образу. Грибов не позволяет себе при исполнении роли Ленина ни одной внешней эффектной декоративной черты, но зрительно ясно, какая воля накоплена им, какая острая мысль бьется в его сокровищном черепе, какая любовь таится в его мужественном сердце.

Грибов зорко подмечает тонкий и разнообразный подход Ленина к людям. Вот Ленин шутит с крестьянскими ребятишками, вот он разговаривает с Рыбаковым о любви, вот он раскрывает перед инженером Забелиным обширный план электрификации России, вот он с любопытством присматривается к старому часовщику, которому поручено научить куранты Кремля играть «Интернационал». Грибов незаметно и тонко выделяет и черту, которой Погодин отдает в «Курантах» преимущественное внимание и которая для него наиболее дорога в данной пьесе. Это то, что Ленин называл «мечтой» — «мечтой о будущем». Ленину трудно, и Грибов не скрывает этих трудностей. Грибов сумел приобщить нас к таинству рождения ленинской мысли. Он больше всего запоминается в тот момент, когда Ленин остается один на один с собой, и только одинокий свет настольной лампы падает на его склонившуюся над рукописью голову. Образ Ленина стал одной из вершин творчества Грибова и приумножил любовь зрителя к этому актеру, который так достойно продолжает искусство МХАТа.

Алексею Николаевичу Грибову присвоено звание Героя Социалистического Труда, и это высокое отличие есть одновременно и оценка того искусства, которое представляет Художественный театр и которое составляет его существо, его гордость, его силу. Алексей Николаевич Грибов — один из лучших воплотителей этого прекрасного и нелегко достижимого искусства.

Фото И. Александрова.